

*Джо Хиллу, которому я сказал, что сделаю это,
и Дэниэлу Майнцу, моему очень дорогому другу*

СИНДРОМ ХАДЕН

Синдромом Хаден, или синдромом клетки, была названа совокупность физических и умственных заболеваний и отклонений, изначально вызванных «Великой инфлюэнцей», гриппоподобной глобальной пандемией, приведшей к смерти более четырехсот миллионов человек по всему миру. Люди умирали и на первой стадии болезни, когда проявлялись лишь симптомы обычного гриппа, и на второй, которой были свойственны характерные для менингита воспаления оболочек головного и спинного мозга, а также на третьей, когда осложнения вызывали полный паралич соматической нервной системы, в результате чего жертвы оказывались запертыми в своем собственном теле, как в клетке. Синдром Хаден получил свое название после того, как вирус поразил первую леди США Маргарет Хаден, ставшую самой известной жертвой этой страшной болезни.

До сих пор не установлено, где именно возникла «Великая инфлюэнца», но впервые она была диагностирована в Лондоне, и почти сразу же подобные случаи зафиксировали в Нью-Йорке, Амстердаме, Торонто, Токио и Пекине. Долгий инкубационный период до проявления видимых признаков позволил вирусу широко распространиться до его обнаружения. В результате более 2,75 миллиарда человек были заражены во время первой волны заболевания.

Развитие болезни проходило совершенно по-разному в каждом отдельном случае и зависело от состояния здоровья, возраста, наследственности и условий проживания. Наиболее опасной стала первая, гриппоподобная стадия, повлекшая за собой семьдесят пять процентов от всех смертей, вызванных синдромом Хаден. Однако у такого же процента пораженных болезнь и ограничивалась лишь первой стадией. У всех остальных развивалась вторая стадия, которая на первый взгляд напоминала вирусный менингит, но, плюс ко всему, вызывала у некоторых заболевших глубокие и необратимые изменения мозговой структуры. Несмотря на то что второй стадии подвергалось меньшее число людей, процент смертности на ней был выше, чем на первой.

Большинство из тех, кто выжил на второй стадии синдрома Хаден, не получили продолжительных физических или когнитивных расстройств, однако значительное число людей — более одного процента от изначально зараженных вирусом «Великой инфлюэнцы» — перешли в состояние

запертых. Еще у четверти процента произошли нарушения умственных способностей вследствие изменений в их мозговой структуре, при этом их физическая активность не пострадала. Еще меньшее число заболевших — менее ста тысяч человек по всему миру — не испытали никаких физических или ментальных отклонений, несмотря на существенные изменения их мозговой структуры. Некоторые индивидуумы из этой последней категории в дальнейшем стали «интеграторами».

В Соединенных Штатах Америки жертвами синдрома клетки стали 4,35 миллиона граждан страны и резидентов. Аналогичный процент запертых был характерен и для других развитых стран. Это подтолкнуло США и их союзников вложить три триллиона долларов в Исследовательскую программу Хадена (ИПХ), амбициозный инициативный проект, нацеленный на глубокое изучение функции мозга и скорейший выход на рынок соответствующего программного обеспечения и оборудования, которое позволило бы людям, получившим синдром клетки, несмотря на болезнь, участвовать в жизни общества. В результате за два года, прошедших после утверждения программы президентом Бенджамином Хаденом, появились такие новшества, как первые внедренные нейронные сети, транспортеры личности (ТЛ) и доступное только для хаденов интернет-пространство, получившее название «Агора».

Хотя разработки в рамках ИПХ позволили добиться значительного прогресса в изучении развития и структуры мозга и подтолкнули к созданию нескольких новых отраслей промышленности, которые обслуживали страдающих от синдрома клетки людей, со временем появилось много жалоб на то, что связанные с хаденами — так стали называть запертых — исследования приобрели излишне первостепенное значение, а сами хадены благодаря правительственным субсидиям превратились в привилегированный класс. Это привело к тому, что сенаторы США Дэвид Абрамс и Ванда Кеттеринг представили на рассмотрение билль об урезании субсидий и программ для хаденов, что означало снижение налоговой нагрузки для остальных граждан. Вначале билль Абрамса—Кеттеринг был отклонен, но после внесения изменений был представлен снова и получил одобрение обеих палат конгресса с незначительным большинством голосов.

Несмотря на серьезный прогресс в изучении вируса, вызывающего синдром Хаден, и развитие программ социальной гигиены, препятствующих его распространению, надежной вакцины от болезни до сих пор не создано. Ежегодно в мире заражается около двадцати миллионов человек, а в США от пятнадцати до сорока пяти тысяч становятся запертыми. Хотя вакцина по-прежнему не дается разработчикам, уже можно говорить о некотором прогрессе в лечении инфицированных, которое включает в себя новейшую терапию по «перепрошивке» соматической нервной системы. В текущее время эта терапия проходит испытания на животных.

Статья «Синдром Хаден» на HighSchoolCheatSheet.com.

ГЛАВА 1

Мой первый день на работе совпал с первым днем забастовки хаденов, и я не покривлю душой, если скажу, что это было не самое удачное совпадение. Репортаж о том, как я захожу в здание ФБР, тут же попал на все хаденские новостные сайты и форумы. Для первого рабочего дня самое то.

Лишь благодаря двум обстоятельствам не вся «Агора» обрушила ярость на мою голову. Для начала — далеко не каждый хаден поддержал забастовку. В первый день в ней приняли участие единицы. «Агора» раскололась на два шумных враждующих лагеря: одни непременно хотели протестовать, другие считали это бессмысленным, потому что билль Абрамса—Кеттеринг уже принят конгрессом.

Вторым обстоятельством послужило то, что ФБР, строго говоря, стояло на страже закона, а значит, исполняло важную общественную функцию. Возможно, поэтому тех, кто называл меня штрейкбрехером и предателем, оказалось гораздо меньше, чем я ожидал.

Перепалка на «Агоре» хоть немного разбавила нестерпимую скуку первого дня. Кучу времени я проторчал в отделе кадров, заполняя разные формуляры и терпеливо выслушивая невыносимо подробные объяснения насчет моих льгот и пенсионной программы. Затем мне вручили личное оружие, последние обновления софта и значок. Зато я рано отправился домой, потому что моя новая напарница выступала свидетелем в суде и не ожидалась на работе до конца дня, а чем меня занять, никто так и не придумал. Дома я не стал загружать «Агору», а сел смотреть кино, одно за другим. Зовите меня трусом, если хотите.

Мой второй рабочий день начался большей кровью, чем мне бы хотелось.

Я заметил свою напарницу, когда шел к отелю «Уотергейт». Она стояла недалеко от входа и тянула электронную сигарету.

Когда я подошел ближе, данные с чипа на ее значке полились ко мне в поле зрения. Таким способом Бюро оповещало своих агентов о том, кто перед ними. Очков на моей напарнице не было, так что ее подобный поток сведений, но уже обо мне при моем появлении не захлестнул. Хотя, с другой стороны, едва ли он ей вообще требовался. Она прекрасно вычислила меня и невооруженным глазом.

— Агент Шейн, — сказала она, протягивая руку.

— Агент Ванн, — сказал я, отвечая на рукопожатие.

И умолк в ожидании того, что она еще изречет. Всегда интересно наблюдать, что люди станут делать при встрече со мной, не только из-за того, кто я, но и из-за того, что я хаден. Обычно либо одно, либо другое вызывает комментарии.

Ванн не сказала больше ничего. Просто убрала руку и продолжила посасывать никотиновую палочку.

Ну что ж, выходило так, что разговор надо было начинать мне.

Я взглянул на машину, рядом с которой мы стояли. Из ее раскроенной крыши торчало большое кресло.

— Наше? — спросил я, кивая в сторону машины с креслом в крыше.

— Косвенным образом, — ответила она. — Вы записываете?

— Могу, если хотите. Некоторые предпочитают, чтобы я не записывал.

— Я хочу, чтобы вы записали, — сказала Ванн. — Вы на работе. И значит, должны записывать.

— Извольте, — согласился я и включил запись.

Потом стал обходить машину со всех сторон, снимая ее с различных ракурсов. Ударопрочное стекло в окнах растрескалось, несколько кусочков выпало. На машине были дипломатические номера. В десяти ярдах какой-то мужчина орал в трубку мобильного по-армянски. Меня так и подмывало перевести его крик.

Ванн молча наблюдала за мной.

Закончив съемку, я посмотрел вверх, на дыру в стене отеля на седьмом этаже.

— Это оттуда кресло прилетело? — спросил я.

— Не исключено, что догадка верная. — Ванн вынула сигарету изо рта и сунула ее в карман жакета.

— Идем вверх?

— Я ждала вас.

— Простите, — сказал я и снова задрал голову. — Столичная полиция уже здесь?

— Я перехватила звонок из их канала. Подозреваемый — интегратор, а это наша территория.

— Вы уже сообщили об этом полиции? — спросил я.

— Я ждала вас, — повторила Ванн.

— Простите, — снова сказал я, и она мотнула головой в сторону вестибюля гостиницы.

Мы зашли внутрь и доехали на лифте до седьмого этажа, откуда прилетело кресло. Ванн прицепила свой фэбээровский значок на лацкан, я вывел свой на нагрудный дисплей.

Когда двери лифта открылись, мы увидели копа в форме. Она сразу подняла руку в предостерегающем жесте, останавливая нас. Мы дружно указали на значки. Она скривилась, пропустила нас вперед и что-то прошептала в рацию, когда мы направились к толпе полицейских у входа в номер.

Мы уже прошли полпути, когда из номера высунулась какая-то женщина, повертела головой, заметила нас и, громко топая, двинулась навстречу. Мельком взглянув на Ванн, я увидел, что она нацепила на лицо улыбку.

— Детектив Тринх, — сказала моя напарница, когда женщина подошла ближе.

— Нет, — отрезала полицейская вместо приветствия. — Ни за что. Это не имеет к тебе никакого отношения, Лес.

— Я тоже рада тебя видеть. Увы, ты ошибаешься. Твой подозреваемый — интегратор. Ты понимаешь, что это значит?

— «Все предполагаемые преступления с участием транспортеров личности или интеграторов подпадают под федеральную юрисдикцию», — процитировал я из устава Бюро.

Тринх окинула меня мрачным взглядом, потом демонстративно отвернулась, обращаясь к Ванн. Я решил отложить наше личное общение на потом.

— Мне неизвестно, что мой подозреваемый — интегратор, — процедила Тринх.

— Зато мне известно, — заметила Ванн. — Когда ваш офицер позвонил с места преступления, он идентифицировал подозреваемого. Это Николас Белл, интегратор. Состоит в нашей базе данных. Зафиксирован его пинг-запрос в момент, когда ваш офицер вырубил его.

При упоминании имени я повернулся к Ванн, но она продолжала смотреть на Тринх.

— То, что у него такое же имя, еще не делает его интегратором, — буркнула та.

— Брось, Тринх. Неужели ты правда хочешь заниматься этим перед детьми?

Я не сразу понял, что она говорит обо мне и копах в униформе.

— В нашей перебранке ты точно проиграешь, — сказала Ванн. — Лучше пусти нас внутрь и дай выполнить нашу работу. Если окажется, что все замешанные были в это время в Вашингтоне, мы передадим тебе все, что накопили, и отвалим. Давай будем пайнками и решим все миром. А то я ведь могу и перестать благодушествовать. Ты же еще помнишь, что это значит.

Тринх молча развернулась и скрылась за дверью номера.

— Я кое-чего не уловил, — заметил я.

— Вы знаете все, что вам нужно, — отрезала Ванн и шагнула в номер 714; я последовал за ней.

На полу ничком лежало тело мужчины с перерезанным горлом. Кровь пропитала ковер, забрызгала стены, кровать и стул. По комнате гулял ветер: в окне, занимавшем всю стену от пола до потолка, зияла дыра, куда, судя по всему, и улетело кресло.

— Известно, кто он? — глядя на труп, спросила Ванн.

— Документов никаких, — ответила Тринх. — Пока выясняем.

Ванн оглядела комнату, словно что-то искала.

— Где Николас Белл? — спросила она у Тринх.

Та криво улыбнулась.

— В участке, — сказала она. — Первый прибывший на место преступления офицер обезвредил его, и перед вашим приходом мы отправили его в участок.

— Что за офицер?

— Тиммонс. Его здесь нет.

— Мне нужна его съемка ареста.

— Я не...

— Тринх, она нужна мне прямо сейчас! Куда выслать, ты знаешь. Передай Тиммонсу.

Тринх снова скривилась, но вытащила телефон и позвонила.

— Что-нибудь передвигали? Трогали? — спросила Ванн у полицейского в форме.

— Мы — нет, — ответил тот.

Ванн кивнула.

— Шейн! — позвала она.

— Да, — сказал я.

— Начинайте снимать картограмму. Не упускайте никаких деталей. Осторожней со стеклом.

— Уже, — сказал я.

Я заранее включил режим записи. Наложил сверху трехмерную сетку, чтобы облегчить идентификацию, когда заглядываешь под кровати и в углы, и маркировал все объекты. Обошел номер, старательно заглянул в каждый угол, опустился на колени перед кроватью, включил налобный фонарь, чтобы лучше все разглядеть. И под кроватью действительно нашлось кое-что интересное.

— Там окровавленные осколки, — объявил я, потом встал и показал на стол, где стояли стаканы и две бутылки с водой. — На полу возле стола тоже осколки. Похоже, наше орудие убийства.

— Вы закончили с картограммой? — спросила Ванн.

— Почти, — ответил я и еще несколько раз прошелся по комнате, чтобы ничего не упустить.

— Полагаю, у вас тоже есть картограмма, — обратилась Ванн к Тринх.

— Она сейчас в обработке, — ответила та. — И у нас есть записи от побывавших здесь офицеров.

— Мне нужно все, — сказала Ванн. — Картограмму Шейна я тебе тоже пришло.

— Прекрасно, — раздраженно процедила Тринх. — Что-нибудь еще?

— Пока все.

— Тогда будьте так любезны, покиньте место преступления. Мне надо работать.

Ванн улыбнулась и двинулась к выходу из номера, я за ней.

— Столичная полиция всегда такая? — спросил я, когда мы зашли в лифт.

— Никто не любит федералов на своей делянке, — ответила она. — Они нам никогда не рады. Большинство старается не хамить. У Тринх с этим проблемы.

— Со всеми федералами или лично с вами?

Ванн снова улыбнулась. Двери лифта открылись, и мы шагнули в вестибюль отеля.

— Не против, если я закурю? — спросила Ванн.

Она вела ручную к зданию участка и шарила в карманах в поисках сигарет, на этот раз настоящих. Машина была ее, и курить внутри закон не запрещал.

— У меня иммунитет к пассивному курению, если вы об этом, — заметил я.

— Как мило.

Она наконец выудила сигарету и надавила на автомобильную зажигалку, чтобы прикурить. Я убавил обоняние.

— Зайдите в мой ящик на сервере ФБР и проверьте, пришла ли уже запись ареста, — велела она.

— И как я это сделаю? — спросил я.

— Вчера я открыла вам доступ.

— В самом деле?

— Вы же теперь мой напарник.

— Ценю ваше доверие. А если бы вы после первой нашей встречи решили, что я — недостойный доверия засранец?

Ванн пожала плечами.

— Моя прошлая напарница была недостойной доверия засранкой, — сказала она. — Мы делили один ящик на двоих.

— Что с ней случилось? — спросил я.

— Получила пулю.

— При исполнении?

— Не совсем. Была на учебных стрельбах и пальнула себе в живот. Так и осталось неясным — намеренно или случайно. Разговоры разные ходили. Потом инвалидность и отставка. Я особо не переживала.

— Ну, я-то точно обещаю не палить себе в живот.

— Две шутки про тело меньше чем за минуту, — заметила Ванн. — Кажется, вы усиленно пытаетесь на что-то намекнуть?

— Просто хочу убедиться, что вы не испытываете при мне неловкости, — сказал я. — Не все знают, как себя вести, когда встречаются хадена.

— Вы не первый хаден, с которым я познакомилась. — Зажигалка щелкнула в гнезде; Ванн вытащила ее и зажгла сигарету. — Это вполне очевидно, учитывая нашу службу. Вы нашли запись ареста?

— Секундочку. — Я зашел на свидетельский сервер Бюро и открыл ящик Ванн; файл уже лежал там. — Она здесь, — подтвердил я.

— Запускайте, — сказала Ванн.

— Хотите, чтобы я вывел ее на приборную панель?

— Я за рулем.

— Говорят, уже изобрели беспилотники.

Ванн покачала головой.

— Это машина Бюро, — сказала она. — Вряд ли стоит доверять автопилоту, купленному через тендер по самой низкой цене.

— Разумно, — согласился я и включил запись ареста — скачущую, снятую в низком разрешении.

Как и ФБР, вашингтонская полиция, наверное, тоже покупала свою аппаратуру через тендер по дешевке. Съемка велась в стереорежиме, с одной точки, — скорее всего, камера была установлена на защитных очках. Запись началась с того, что коп — Тиммонс — вышел из лифта на седьмом этаже, уже с шокером наготове. У дверей номера 714 стоял охранник «Уотергейта» в скверно подогнанной униформе горчичного цвета. Когда камера приблизилась, стало видно, что в руке у него зажат тазер. Выглядел охранник так, что вот-вот обмочится от страха.

Тиммонс обошел охранника, и в кадр вплыл сидящий на кровати человек с поднятыми руками. Его лицо и рубашка были испачканы кровью. Изображение дернулось, после чего Тиммонс долго смотрел на труп, лежащий на пропитанном кровью ковре. Потом изображение снова дрогнуло и вернулось к сидящему на кровати человеку.

— Он мертв? — послышался чей-то голос — Тиммонса, как я заключил.

Человек на кровати посмотрел на труп.

— Да, думаю, мертв, — сказал он.

— И какого хрена ты убил его? — спросил Тиммонс.

Человек на кровати перевел взгляд на него.

— Не думаю, что это я, — сказал он. — Послушайте...

В этот момент Тиммонс всадил в него разряд. Человек вздрогнул, изогнулся и свалился с кровати, неподвижно застыв на ковре, будто зеркальное отражение мертвеца.

— Интересно... — пробормотал я.

— Что? — спросила Ванн.

— Тиммонс только заглянул в комнату и почти сразу вырубил нашего подозреваемого.

— Белла, — добавила Ванн.

— Да, — ответил я. — Кстати, это имя не кажется вам знакомым?

— Белл что-нибудь сказал перед тем, как его вырубили? — проигнорировав мой вопрос, произнесла Ванн.

— Тиммонс спросил его, почему он убил того парня. Белл ответил, что так не думает.

Ванн нахмурилась.

— В чем дело? — спросил я.

Ванн снова окинула меня взглядом, и я понял, что она смотрит не на меня, а на мой ТЛ.

— Новая модель, — заключила она.

— Ну да, — сказал я. — «Зебринг-Уорнер 660XS».

— Шестисотая линейка у них недешевая.

— Недешевая, — согласился я.

— Выплаты за аренду великоваты для зарплаты стажера ФБР.

— А значит, вот так мы будем с вами дальше?

— Я просто отмечаю очевидное.

— Прекрасно, — согласился я. — Полагаю, вам кое-что рассказали обо мне, когда сделали вашим напарником.

— Рассказали.

— И, полагаю, вы немного знаете о сообществе хаденов, поскольку это ваша работа.

— Да, — подтвердила Ванн.

— Тогда давайте пропустим ту часть, где вы притворяетесь, будто не знаете, кто я, из какой я семьи и почему могу позволить себе «Зебринг-Уорнер 660».

Ванн улыбнулась, потушила сигарету в пепельнице на дверце, потом опустила стекло и выбросила окурочок.

— Видела, вчера на «Агоре» вам крепко всыпали за выход на работу.

— Не случилось ничего такого, с чем бы я не сталкивался раньше, и ничего такого, с чем бы я не смог справиться. Для вас это проблема?

— То, что вы — это вы?

— Именно.

— С чего бы это должно быть проблемой для меня?

— Когда я пошел в академию, многие посчитали это капризом богатого сына. Считали, что я просто буду протирать там штаны, пока не вступлю во владение своим трастовым фондом или еще чем-нибудь.

— Ну и как? — спросила Ванн. — Я имею в виду трастовый фонд. Вступили во владение?

— Еще до того, как пошел в академию.

Ванн хихикнула.

— Нет проблем, — сказала она.

— Уверены?

— Да. И кстати, это даже хорошо, что у вас такой элитный трил, — заметила Ванн, употребив жаргонное название транспортного средства. — Значит, снятая вами картограмма будет приличного качества. Что уже обнадеживает, ведь Тринх едва

ли пришлет мне что-нибудь стоящее. Запись ареста, небось, вся дерганая и нечеткая?

— Ну да.

— Это полный бред. У копов все камеры на защитных очках снабжены автоматическими стабилизаторами и пишут с разрешением повышенной четкости 4к. Наверняка Тринх велела Тиммонсу испортить запись перед тем, как послать нам. Такая уж она засранка.

— То есть вы намерены эксплуатировать мои незаурядные технические возможности? — спросил я.

— Именно так. А для вас это проблема?

— Нет. Прекрасно, когда люди замечают твои достоинства.

— Хорошо, — поворачивая на стоянку возле участка, сказала Ванн. — Потому что у меня на вас большие планы.

ГЛАВА 2

— Это еще что за «бряк»? — спросил у Ванн полицейский, встретивший нас в участке.

Моя программа распознавания лиц определила его как Джорджа Дэвидсона, капитана второго участка столичной полиции.

— Ну надо же, — не сдержался я.

— Я что-то не так сказал? — Дэвидсон посмотрел на меня. — Никогда не могу запомнить, какое из слов — «трил» или «бряк» — мне не стоит сегодня употреблять.

— Вот вам подсказка, — любезно предложил я. — Первое происходит от любимого миллионами персонажа андроида одного из самых популярных фильмов всех времен. Другое описывает звук сломанного механизма. Угадайте, какое нам нравится больше.

— Понял, — ответил Дэвидсон. — Мне казалось, все ваши сегодня бастуют.

— Господи боже, — раздраженно проворчал я.

— Какой ранимый трил, — обратился Дэвидсон к Ванн.

— Какой засранец коп, — улыбнулась ему она.

Дэвидсон улыбнулся в ответ.

— Это агент Крис Шейн, мой новый напарник, — сказала Ванн.

— Охренеть! — выдохнул Дэвидсон и снова уставился на меня. Очевидно, имя он все-таки знал.

— Сюрприз! — сказал я.

Ванн помахала перед носом Дэвидсона рукой, чтобы привлечь его внимание:

— Эй, у тебя тут кое-кто сидит под замком. Мы хотели бы переговорить.

— Ну да, сидит. Тринх предупредила, что вы скоро заявитесь.

— Надеюсь, с тобой не будет так же трудно, как с ней.

— О, ты же знаешь — я целиком и полностью за сотрудничество между стражами порядка, — горячо заверил ее Дэвидсон. — К тому же мне ты пока на любимые мозоли не наступала. Прошу. — Он махнул рукой, приглашая нас в недра участка.

Через несколько минут мы уже смотрели на Николаса Белла через стекло. Тот молча сидел в комнате для допросов в выжидательной позе.

— Не похож он на парня, способного выкинуть кого-то из окна, — с сомнением заметил Дэвидсон.

— Он никого не выкидывал, — напонила Ванн. — Труп остался в номере. Вылетело только кресло.

— И на парня, способного выкинуть кресло из окна, тоже не похож, — настаивал Дэвидсон.

— Это интегратор, — сообщила Ванн и указала на Белла. — Он проводит массу времени с другими людьми в своей голове, а у этих людей могут возникать самые разные желания. И он в лучшей форме, чем тебе кажется.

— Как скажешь, — ответил Дэвидсон. — Тебе лучше знать.

— Вы уже говорили с ним? — спросил я.

— Детектив Гонсалес пытался, — сказал Дэвидсон. — Так этот просто сидел и молчал — и так минут двадцать.

— Ну, у него же есть право хранить молчание, — заметил я.

— Пока он не объявлял о желании им воспользоваться и адвоката тоже не просил, — сказал Дэвидсон.

— Как думаешь, это может быть связано с тем, что ваш офицер Тиммонс вырубил его прямо на месте преступления, а? — спросила Ванн.

— Я еще не получил полного рапорта от Тиммонса.

— Дэвидсон, да ты у нас просто путеводная звезда безопасной конституционной практики, — усмехнулась Ванн.

— Он уже давно очухался, — пожал плечами Дэвидсон. — Если вспомнит, что у него есть права, значит вспомнит. А пока нет, можете подкатить к нему, если хотите.

- Я вопросительно взглянул на Ванн.
- Пойду пописаю, — сказала она. — А потом поищу себе кофе.
- И то и другое дальше по коридору, — сообщил Дэвидсон. — Ты еще должна помнить.
- Ванн кивнула и удалилась.
- Крис Шейн, надо же, — сказал мне Дэвидсон, когда она ушла.
- Это я, — подтвердил я.
- Я вас помню, когда вы были еще ребенком. Ну, в смысле, не настоящим ребенком... ну, вы меня поняли.
- Абсолютно, — кивнул я.
- Как ваш отец? Собирается баллотироваться в сенаторы или как?
- Пока не решил, — сказал я. — Но это не для протокола.
- Я раньше смотрел все его игры, — сообщил Дэвидсон.
- Непременно ему передам.
- Долго уже с ней? — Дэвидсон махнул рукой в ту сторону, куда ушла Ванн.
- Первый день как ее напарник. Второй день на работе.
- Новичок, значит?
- Я кивнул.
- Да, а так и не скажешь, глядя на это... — Он указал на мой трил.
- Понятно, — сказал я.
- Хороший трил.
- Спасибо.
- Извините за «бряк».
- Никаких проблем.
- Думаю, нас вы тоже между собой называете какими-нибудь малоприятными прозвищами, — предположил Дэвидсон.
- Доджеры.
- Что?
- Доджеры, — повторил я. — Это сокращенно от «доджер-доги». Хот-доги такие, их продают на стадионе «Доджер» в Лос-Анджелесе.
- Да знаю я, что такое доджер-доги. Только не понимаю, как вы их с нами-то связали.
- Двумя способами. Во-первых, все вы в основном состоите из мяса, набитого в кожу. Так же как и хот-доги. А во-вторых, хот-доги — это большей частью губы и жопы. Так же как и вы — большей частью излишне болтливы и непривлекательны.

— Мило, — выдавил Дэвидсон.
— Вы спросили — я ответил.
— Да, но почему именно доджер-доги? Я всю жизнь болею за «доджерсов»¹, имею право знать.

— А почему трилы? Почему «бряки»? Такой сленг.

— А для него есть сленг? — спросил Дэвидсон, кивая на тихо сидящего Белла.

— «Мул».

— Логично.

— Ну да.

— Когда-нибудь пользовались таким?

— Интегратором? Один раз, — ответил я. — В двенадцать лет родители взяли меня в парк развлечений «Мир Уолта Диснея». Решили, что будет лучше, если я прочувствую чудеса в человеческом теле, и наняли для меня интегратора на целый день.

— И как оно? — спросил Дэвидсон.

— Отвратительно, — сказал я. — Было жарко, через час у меня заболели ноги, и я чуть не описался, потому что понятия не имел, как вы пишете. Обо мне ведь все время заботились, а хаденом я стал совсем маленьким и уже не помнил, как это делается естественным образом. Интегратору пришлось, что называется, выйти на поверхность, чтобы помочь мне, что им, вообще-то, не полагается, когда они с кем-то в голове. Через пару часов я совсем расхныкался, мы вернулись в отель и переключили меня обратно на трила. И вот тогда я и в самом деле отлично провел время. Хотя интегратору все равно заплатили за целый день.

— И с тех пор вы больше не пробовали?

— Нет, — сказал я. — Чего ради?

Дэвидсон что-то неопределенно промычал, а потом дверь в комнату для допросов открылась, и вошла Ванн с двумя стаканчиками кофе в руках.

— А ведь она тоже. — Дэвидсон показал на нее.

— Что — тоже?

— Интегратор. Ну, или была, пока не пришла в Бюро.

— Я этого не знал, — сказал я, глядя, как Ванн садится напротив Белла.

— Вот почему она вами и занимается. Знает вас, как никто из наших. Без обид, но у нас у всех просто в голове не укладывается, как вы вообще живете.

---

¹ Бейсбольная команда «Лос-Анджелес доджерс».

— Понимаю.

— Да, — сказал Дэвидсон и умолк, а я уже знал, что дальше последует рассказ о родственниках-хаденах — скорее всего, дядюшке или кузине. — У моей кузины был синдром Хаден, — печально поведал Дэвидсон, и я мысленно поставил галочку в графе «гениальные прозрения». — Она заболела еще в первую волну, тогда никто вообще не понимал, что это за хрень. У вируса даже названия не было. Кузина подцепила грипп, потом вроде пошла на поправку, и тут — оп. — Он пожал плечами.

— Клетка, — подсказал я.

— Она самая. Помню, пришел в больницу навестить ее, а там целое крыло ступорных. Лежат и дышат, и все. Несколько десятков. А ведь всего пару дней назад ходили, жили нормальной жизнью.

— И что случилось с вашей кузиной?

— Не выдержала. От ступора что-то в мозгу не так пошло, психоз или вроде того.

— К сожалению, такое часто случается, — подтвердил я.

— Ну да. Пожила еще пару лет, а потом тело не выдержало.

— Сочувствую.

— Да, дерьмово, — сказал Дэвидсон. — Только эта зараза ведь никого не щадит. Вот и первая леди заболела. Даже вирус в ее честь назвали.

— Все равно хреново.

— Это точно, — согласился Дэвидсон и кивнул на Ванн. — Она же его тоже подцепила, правда? В какой-то момент. Поэтому такая и стала.

— Отчасти. Существовал лишь крошечный процент людей, у которых вирус изменил структуру мозга, но не вызвал ступора. В свою очередь, у крошечного процента уже от них мозг изменился настолько, что они смогли стать интеграторами. — На самом деле все обстояло гораздо сложнее, но едва ли Дэвидсону это было интересно. — Думаю, на всей планете интеграторов всего тысяч десять.

— Ага, — согласился Дэвидсон. — В общем, она интегратор. Или была им. Так что как-нибудь разговорит этого парня.

Он увеличил громкость колонок, чтобы мы могли слышать разговор в комнате для допросов.

— Я принесла вам кофе, — сказала Ванн, пододвигая Беллу стаканчик. — Взяла на себя смелость предположить, что вы любите с сахаром и сливками. Простите, если не угадала.

Белл посмотрел на кофе, но ничего не сказал и стаканчика не взял.

— Чизбургеры с беконом, — вдруг объявила Ванн.

Как ни странно, Белл неожиданно отреагировал на эту явную бессмыслицу.

— Что? — спросил он.

— Чизбургеры с беконом, — повторила Ванн. — Когда я работала интегратором, то съела целую прорву гребаных чизбургеров с беконом. Вы наверняка знаете почему.

— Потому что первое, чего всегда хочет запертый после интегрирования, — это чизбургер с беконом, — сказал Белл.

— Значит, не только со мной так, — улыбнулась Ванн.

— Нет, не только.

— На улице, где я жила, была бургерная, — сказала Ванн. — «Файв гайз», знаете, наверное. Как только я переступала порог, там сразу шлепали бекон на гриль. Даже не ждали, пока я закажу. Привыкли.

— Само собой, — подтвердил Белл.

— После того как я перестала интегрироваться, я два с половиной года не могла даже смотреть на чизбургер с беконом.

— Похоже на правду. Я бы по своей воле их и в рот не взял.

— Крепитесь, — сказала Ванн.

Белл схватил кофе, понюхал, отпил глоток.

— Вы не из полиции, — сказал он. — Я никогда не встречал в Вашингтоне копа-интегратора.

— Я — агент Лесли Ванн. Работаю в ФБР. Мы с моим напарником расследуем преступления, к которым причастны хадены. Разумеется, вы не хаден в строгом понимании этого слова, но вы интегратор, а значит, участие в этом какого-нибудь хадена вполне возможно. Если это так, то мы оба понимаем, что вы не отвечаете за свои действия. Но вы должны рассказать мне все, и тогда я смогу вам помочь.

— Хорошо, — согласился Белл.

— В полиции мне сказали, что раньше вы были не слишком разговорчивы.

— Догадываетесь с трех раз почему.

— Наверное, потому, что они вырубали вас, как только увидели?

— В самую точку.

— Николас, может, для вас это и не важно, но я все же хочу извиниться за поведение полиции. Я бы попыталась вести себя по-другому.

— Я просто сидел на кровати с поднятыми руками. Я ничего не делал.

— Знаю. И, как я уже сказала, прошу у вас прощения. Полицейский поторопился. С другой стороны — и это не оправдание, просто объяснение, — пока вы сидели с поднятыми руками и ничего не делали, на полу лежал труп, а его кровь была на вас, — сказала Ванн и указала пальцем. — Вообще-то говоря, она до сих пор на вас.

Белл спокойно смотрел на нее и молчал.

— Как я и сказала, это не оправдание, — после пятнадцати секунд тишины добавила Ванн.

— Я арестован? — спросил Белл.

— Николас, вас обнаружили в гостиничном номере с мертвецом, и вы были в его крови. Надеюсь, вы понимаете, что нас очень интересуют обстоятельства произошедшего. Все, что вы расскажете, может оказаться полезным. Тем более если это поможет обелить ваше имя.

— Я арестован? — повторил Белл.

— В ваших силах помочь мне, — сказала Ванн. — Я прибыла туда слишком поздно. И видела только сам номер, но вас уже увезли. Поэтому, если можете, сообщите мне, что произошло в том номере и что мне следует искать. Нам пригодится любая информация. А если вы поможете мне, то мне будет легче помочь вам.

Белл сухо улыбнулся, скрестил руки на груди и отвернулся.

— Снова играем в молчанку? — спросила Ванн.

— Если хотите, можем опять поговорить о чизбургерах с беконом.

— Вы можете хотя бы сказать, были вы интегрированы или нет?

— Вы шутите? — сказал Белл.

— Я не спрашиваю о деталях. Мне важно, работали вы в тот момент или нет. Может, собирались работать? Я знала интеграторов, работающих без контракта. Доджеры иногда хотят сделать что-нибудь, не афишируя этого. Они добывают эти полуправильные сканирующие шапки, эрзац, но для работы годится. И теперь, когда билья Абрамса—Кеттеринг принят, у вас есть причина искать халтуру на стороне. Правительственных контрактов все меньше. А вам надо думать о семье.

Потягивавший кофе Белл поставил стаканчик на стол и сглотнул.

— Вы сейчас говорите, как Кассандра, — сказал он.

Содержание

В КЛЕТКЕ. <i>Роман</i>	5
ВИРУС. <i>Повесть</i>	237
НАПРОЛОМ. <i>Роман</i>	301